

Усама ибн Мункыз

Книга назидания

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Усама ибн Мункыз

Книга назидания / Усама ибн Мункыз – М.: Книга по Требованию, 2011. – 154 С.

ISBN 978-5-4241-1970-5

Эта книга - не только художественное произведение, но и важный исторический источник, дающий яркое представление о многообразной жизни средневекового арабского Востока. Автор непосредственно и правдиво описывает в своей книге жизнь своего времени и своего общества.

ISBN 978-5-4241-1970-5

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Усама ибн Мункыз
Книга назидания
(Китаб аль-И‘тибар)

Век Усамы

К концу XI века, когда родился автор «Книги назидания», феодальные отношения в странах Ближнего и Среднего Востока достигли полного развития. Крепостное население сел и деревень обеспечивало упорным трудом относительно высокий уровень сельскохозяйственного производства. В средневековой Сирии, на родине Усамы, неутомимые земледельцы выращивали на плодородной почве своей страны, на заливных солнцем полях и в тенистых садах богатые урожаи злаков, фруктов и волокнистых растений. Но урожаи, получаемые в результате огромного труда, только частично поступали в распоряжение тех, кто выращивал и собирал их. Над каждым земледельцем стоял жадный, прожорливый феодал, окруженный многочисленными домочадцами, дружиной и челядью.

Требования феодала не ограничивались емкостью его желудка и аппетитами его семьи, дружинников и слуг. Уже в раннем средневековье в странах Востока в отличие от Западной Европы (где преобладало натуральное хозяйство) были значительно развиты денежные отношения и в обращении находилось большое количество серебряной и золотой монеты. Восточные (и том числе и сирийские) феодалы, жившие обычно не в поместьях, а в городах, покупали не только высококачественные изделия местных ремесленников, но и дорогие заморские товары, которые привозили купеческие караваны и корабли из Индии, Юго-Восточной Азии и стран Дальнего Востока. На это требовалось [6] изрядное количество звонкой монеты, большую часть которой феодал взимал с подвластных ему деревенских и городских тружеников, а частично добывал посредством военного грабежа. Свои военные предприятия, сопровождавшиеся в случае успеха захватом добычи, сирийские феодалы осуществляли с помощью иноземных воинов-наемников, состоявших на жалование.

В XI веке наблюдался временный спад антифеодального движения, потрясавшего Багдадский халифат в предшествующие два столетия. Протест наиболее обездоленного и угнетенного слоя трудящихся против феодального гнeta в это время зачастую выражался в разбое и бродяжничестве. Некоторые крестьяне, доведенные до отчаяния нуждой, скрывались в лесах и на горах и нападали на путников или, объединяясь в шайки, грабили караваны.

Власть и богатство феодалов, составлявших господствующий класс общества, основывались на их собственности на землю и воду. В средневековые в странах мусульманского Востока все обрабатываемые и орошающие земли теоретически считались собственностью государства. Однако на практике допускалось также личное и наследственное землевладение, а в последние века халифата распространились и земельные пожалования, которые халиф давал правителям или военачальникам при условии несения военной службы. Эти пожалования, которые назывались икта, иногда отождествляют с западноевропейскими бенефициями. Владельцами этих земель были феодалы, эксплуатировавшие крестьян, которых проживали на территории икта.

Военно-ленная система вполне установилась в странах Ближнего и Среднего Востока в X—XI веках, после распадения Багдадского халифата. В результате усиления местных феодалов Сирия, Ливан и Палестина оказались раздробленными на мелкие феодальные владения. В других странах Передней Азии в конце

XI века наблюдалась такая же картина.

Огромный Сельджукский султанат, образовавшийся в результате завоеваний, начатых среднеазиатскими тюрками в 40-х годах XI века, и простиравшийся от Афганистана до Средиземного моря, стал распадаться уже в период этих завоеваний.

После захвата Ирана и Багдада (1055 г.) полчища тюрок-сельджуков устроились в Закавказье, Малую Азию и Сирию. В последней из этих стран они появились около 1070 года. Их [7] военачальники захватили некоторые области и города и сделали их своими владениями. В других городах остались местные, арабские феодалы, которые признали себя вассалами сельджукского султана. Сирия осталась раздробленной: не только каждый более или менее значительный город с его областью или районом являлся наследственным владением независимого арабского или тюркского эмира, но и многие мелкие населенные пункты были резиденциями феодалов, каждый из которых стремился основать самостоятельную местную династию.

К числу сирийских владетельных феодалов среднего достатка и ограниченного политического значения принадлежали Мункызыды, сородичи Усамы. Город Шейзар, тогда еще не защищенный крепостными стенами, дед Усамы получил около середины XI века от местного христианского епископа, который был временным правителем города после ухода из него византийцев. Не всем членам рода Бену Мункыз удавалось жить в их родном городе, пользуясь плодами труда зависимого от них окрестного сельского населения. Усама вместе со своим братом был вытеснен из Шейзара дядей, затем ограблен своим сыном, превратился в типичного арабо-мусульманскоого рыцаря и служил у крупных феодалов в Сирии, Египте и Месопотамии.

Преобладающей силой в Сирии в то время были тюркские феодалы, вассалы Сельджукидов. В 1070 году сельджукский военачальник Агсыз взял Иерусалим, а через пять лет – Дамаск. В Сирии образовалось два сельджукских султаната, считавшихся вассальными владениями «великих» сельджукских султанов. В Алеппо правил султан Рудван, а в Дамаске – его брат Дукак, опекуном (атабеком) которого был тюркский военачальник Туг-тегин. Захватив верховную власть в 1104 году, этот военачальник основал дамасскую тюркскую династию Буридов, которая просуществовала до 1154 года, когда Дамаск перешел под власть Нур ад-Дина.

За обладание богатыми городами в Сирии и Палестине сельджукам приходилось вести борьбу с египетскими Фатымидами, наместники которых правили в этих городах накануне сельджукского нашествия.

Египет в отличие от стран Передней Азии был в то время сильным государством, в котором сохранилась централизованная система управления. Династия шиитских халифов Фатымидов, правившая там с 969 года, располагала значительными материальными [8] ресурсами, имела сильное наемное войско и большой флот.

Не желая уступать новым завоевателям свои азиатские владения, из которых в египетскую казну поступали подати и торговые пошлины, фатымидское военное командование в 1098 году восстановило власть халифского наместника в Иерусалиме, а за несколько лет до того (в 1089 г.) египетский флот вновь захватил некоторые портовые города на сиро-палестинском побережье.

Таким образом, в самом конце XI века, когда в Сирии и в соседних с нею Ливане и Палестине появились первые отряды крестоносцев, эти страны оказались неспособными к отражению западноевропейских завоевателей. В этих феодально раздробленных странах шла почти непрерывная междуусобная борьба, которая не прекратилась даже при появлении иноземных врагов. Так, два крупных сирийских феодала: Рудван, сельджукский султан Алеппо, и аль-Ягысияни, владетель Антиохии, о чрезмерной жестокости которого сообщает Усама, получили первое известие о появлении крестоносцев в то время, когда их войска находились под Шейзаром в походе против враждебного им эмира Хомса. Тревожная весть не побудила их ни к прекращению враждебных действий против хомского эмира, ни к совместному выступлению против новых противников, вторгшихся в пределы их страны.

На пришельцев из неведомой Западной Европы сирийские феодалы смотрели так же, как они привыкли смотреть на византийцев и сельджуков: видели в них не столько врагов, сколько возможных союзников, с помощью которых можно будет вести более успешную борьбу против своих местных, сирийских противников. Даже эмиры богатых и хорошо укрепленных портовых городов Триполи и Бейрута прислали в лагерь крестоносцев ценные подарки и много продовольствия, не проявляя намерения вступать в борьбу с неожиданно появившимися заморскими завоевателями. Оба эти эмира выразили через своих послов готовность признать себя вассалами предводителей крестоносного войска, если оно сумеет взять Иерусалим.

Сирийские крестьяне и горожане относились безучастно к борьбе арабских, тюркских, византийских и египетских феодалов, вооруженные наемники которых сражались, чтобы обеспечить своим предводителям наибольшие возможности для эксплуатации трудящегося населения. Они знали по собственному [9] опыту, что смена феодальных господ не влечет за собой никаких изменений в тяжелом положении закрепощенных тружеников.

Такое же безразличие они проявили и на этот раз, когда на смену арабским и тюркским эмирам пришли европейские крестоносцы.

Благодаря межфеодальной борьбе и отсутствию сопротивления местного населения крестоносцы во время первого крестового похода, начавшегося в 1096 году, сравнительно легко, а местами и совершенно беспрепятственно, продвигались по Сирии и Палестине. Войско Балдуина, брата Готфрида Бульонского, захватило Эдессу (Урфу), находившуюся к востоку от Евфрата. Этот старинный город стал центром Эдесского графства, первого государства крестоносцев на Востоке. 3 июня 1098 года, после семимесячной осады, войска крестоносцев взяли Антиохию, владение уже известного нам аль-Ягысияни, которая стала с этого времени столицей второго государства крестоносцев на Востоке – Антиохийского княжества.

После этого крупного военного успеха основные силы крестоносцев двинулись в направлении на Иерусалим. Немного не дойдя до Шейзара, где тогда слушал сказки своей няни трехлетний Усама, крестоносное войско повернуло на запад, к морю. 7 июня 1099 года оно подошло к Иерусалиму, священному городу трех религий – иудейской, христианской и мусульманской. Под палящими лучами слишком горячего для европейцев южного солнца крестоносное войско, в рядах которого насчитывалось около 40 тыс. воинов, разбило свои палатки и

приступило к осаде города, считавшегося заветной целью всего похода. Когда рассеялась суеверная надежда крестоносцев, что укрепления этой мусульманской твердыни рухнут при одном их приближении, они стали сооружать осадные и штурмовые орудия.

Под командованием египетского коменданта Иерусалима находилось не более одной тысячи бойцов. Этого было явно недостаточно, чтобы оборонять довольно протяженную линию ветхих укреплений. Однако, несмотря на большое количество осадных орудий и численное превосходство противника, иерусалимский гарнизон выдержал пятинедельную осаду и отбил несколько штурмов. Только 15 июля 1099 года крестоносцы водрузили свое знамя на одной из стен города. Взяв этот священный для них город, крестоносцы учинили еврейский погром и принялись истреблять мусульман, одновременно грабя жителей [10] независимо от их веры (в Иерусалиме жили не только мусульмане и евреи, но и христиане).

На другой год после этой победы крестоносцы создали Иерусалимское королевство. Это было типичное феодальное децентрализованное государство, которое могло существовать только по соседству с Сирией – страной раздробленной и охваченной хроническими усобицами. При своем возникновении Иерусалимское королевство состояло из трех феодальных государств: 1) «владения короны» (или королевский домен) и владения вассалов короля, 2) княжество Антиохийское и 3) графство Эдесское. В 1109 году, после взятия Триполи, который крестоносцы осаждали десять лет, было образовано четвертое государство – графство Триполийское. Каждое из этих государств в свою очередь распадалось на несколько вассальных владений. Так, на территории «владений короны» находились земли четырех крупных баронов и с дюжину более мелких ленов, владельцы которых были вассалами иерусалимского короля; ему же непосредственно принадлежали некоторые города и прежде всего Иерусалим.

В Иерусалимском королевстве большую политическую роль играло многочисленное католическое духовенство, прибывшее на Восток с войсками крестоносцев. Епископы, аббаты и другие церковные сановники быстро создали себе солидную материальную базу, захватив земли и весьма доходные объекты христианского культа.

После взятия Иерусалима завоевательные стремления крестоносцев направились на богатые города побережья. Эти города могли оказывать длительное сопротивление, так как получали по морю помощь из Египта. Правители некоторых городов предпочитали не враждовать с крестоносцами и предлагали им значительные суммы в качестве отступного. Крестоносные предводители, как правило, не отказывались от денег, а через некоторое время, при изменившихся обстоятельствах, брали эти города измором или штурмом. Успех крестоносцев на побережье стал возможным только после того, как у сиро-палестинских берегов появились флоты итальянских торговых городов, отогнавшие египетские корабли. Блокированные с моря генуэзскими и пизанскими кораблями Бейрут и Сайда сдались в 1110 году, а Тир продержался до 1124 года. Последним приобретением крестоносцев в Сирии был город Баниас (к юго-западу от Дамаска), перешедший в их владение в 1129 году. [11]

Территория Иерусалимского королевства простиралась от верхнего течения Евфрата и Килиции, включала узкую полосу земель Ливана и западной Сирии, а на юге, расширяясь, обнимала всю Палестину и часть Заиорданья вплоть до

порта Акаба (Айла) на Красном море, а также часть Синайского полуострова с его старыми христианскими монастырями. В Сирии неопределенная, никем никогда не устанавливавшаяся восточная граница королевства проходила западнее долины Оронта. Большие города внутренней Сирии – Алеппо, Хама, Хомс и Дамаск – никогда в состав королевства не входили.

Неоднократные попытки взять Дамаск завершались для крестоносцев неудачей. В 1125 году войско иерусалимского короля было вынуждено поспешно отступить от этого города, оставив противнику даже свою походную церковь. Через несколько лет крестоносцы опять появились под стенами Дамаска, но скоро ушли, получив от его жителей 20 тыс. золотых монет и обязательство платить ежегодную дань иерусалимскому королю.

Крестоносцев, поселившихся на Востоке, местные жители называли франками. Под таким названием в средневековой арабской географии были известны все народы Западной Европы, о которых на Ближнем Востоке до крестовых походов имелись только очень ограниченные сведения. Цивилизованные сирийские арабы (как это видно и из «Книги назидания») бывали поражены и обескуражены грубостью, невежеством, алчностью и вероломством франков, особенно тех, которые прибыли недавно. В культурном и моральном отношениях эти пришельцы из отсталой Западной Европы были неизмеримо ниже арабских феодалов, среди которых образованные люди (вроде Усамы) вовсе не являлись исключением. В то время рядовой европейский рыцарь кичился своей неграмотностью и заполнял свой досуг, пьяниствуя, обжираясь и развратничая. А шейzarский эмир, отец Усамы, в свободное от походов, сражений и охоты время не только переписывал Коран каллиграфическим почерком, но и писал на него комментарии, для чего требовалось известное образование. Его сын был не только писателем, но и большим любителем книг, владельцем библиотеки в четыре тысячи томов.

Но, резко различаясь по культурному уровню, и восточные и западные феодалы, будучи людьми одного класса, непрестанно вели борьбу друг с другом ради экономических и [12] политических выгод. Раздоры и интриги при дележе добычи и распределении ленов никогда не прекращались в лагере крестоносцев. Так, еще до взятия Антиохии, когда крестоносцы беспомощно стояли под ее стенами, разгорелась ожесточенная борьба за власть над этим городом между многими феодалами, особенно между норманским авантюристом Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским. А когда франкские бароны снаряжались в поход на Дамаск, многие претенденты на это весьма соблазнительное владение не только перессорились, но и передрались. Редко кто в Иерусалимском королевстве получал лен без борьбы и владел им, не возбуждая ничьей зависти. При таких взаимоотношениях европейские рыцари всех рангов нередко обращались к мусульманским феодалам за помощью против своих единоверцев.

В обстановке полного разброда, постоянных столкновений личных корыстных интересов и самолюбии, при отсутствии дисциплины и господстве своеуолия и самоуправства в среде франкских феодалов на Востоке единственной организованной и относительно дисциплинированной вооруженной силой в Иерусалимском королевстве являлись духовно-рыцарские ордена. Это были тамплиеры, или храмовники, орден которых был основан в 1119 году, и госпитальеры, или иоанниты. В конце XII века был организован тевтонский орден. Эти рыцарские организации, созданные по образцу католических монашеских орденов, скоро

стали очень крупными землевладельцами, имевшими земли и замки на Востоке и в Европе и пользовавшимися весьма существенными привилегиями. Их земельные владения были освобождены от всех видов обложений, они подчинялись непосредственно римскому папе и пользовались его неизменным благоволением. Своей деятельностью и своим поведением они возбудили всеобщую ненависть к себе. Мусульмане ненавидели этих католических рыцарей-монахов за их крайнюю нетерпимость, жестокость, своекорыстие и жадность. Еще более ненавидели их франкские сеньоры и рыцари за то, что они вели себя исключительно надменно, умели захватывать лучшую добычу и занимались ростовщичеством, разоряя многих мелких рыцарей.

Выступая освободителями «гроба господня» и «святой земли» от власти мусульман, крестоносцы встретились на Востоке не только с последователями ислама, но и со своими единоверцами-христианами. Помимо мусульман (ортодоксального направления и различных сектантов), в Сирии, Ливане и Палестине [13] проживало немало христиан из коренного населения. Они принадлежали к различным местным церквям. Численно преобладали среди местного христианского населения последователи греко-православной церкви, неприязненно относившиеся к католикам, особенно после «разделения церквей», происшедшего в 1054 году. Другую крупную христианскую церковь местного происхождения составляли марониты; римские папы особенно рассчитывали подчинить их своей верховной власти. К числу значительных христианских меньшинств принадлежали армяно-григориане, яковиты, несториане. Все эти христиане (равно как и иудеи) в арабских странах не подвергались преследованию и имели полную возможность исповедовать свои вероучения и отправлять свои религиозные культы. Исключительным фактом было гонение на христиан и иудеев, учиненное в начале XI века сумасшедшим фатымидским халифом Хакимом. Вообще же мусульманские власти проявляли веротерпимость по отношению к своим немусульманским подданным.

В Иерусалимском королевстве местные христиане испытывали высокомерное и презрительное отношение к себе со стороны пришлого католического духовенства, которое смотрело на них как на схизматиков-раскольников и даже как на еретиков и пыталось обратить их в католичество. Экономическое положение местных крестьян и ремесленников христианского вероисповедания, попавших в крепостную зависимость от франкских сеньоров и их вассалов, было отнюдь не лучше, чем положение крепостных-мусульман. В тяжелом положении оказались и крепостные-вилланы, пришедшие на Восток под знаком креста и занявшиеся там привычным им трудом землемельца.

Франкские и разноплеменные мусульманские феодалы воевали, заключали перемирия, вели дипломатические переговоры, вступали в соглашения одни с другими, а крестьяне и ремесленники (как мусульмане, так и христиане) страдали не только от высоких оброков и тяжелой барщины, но и от опустошения полей и разрушения деревень в ходе военных действий.

В 1144 году произошло очень важное событие: 25 декабря, в день рождества, после осады, длившейся 28 дней, войско мосульского эмира Зенги взяло Эдессу. Для Иерусалимского королевства это было очень крупной потерей вследствие важного стратегического положения этого города. В Западной Европе этот успех мусульман послужил весьма подходящим поводом для усиления агитации в

пользу нового крестового похода. [14]

Второй крестовый поход начался в 1147 году. В нем приняли участие не только рыцари, но и два государя: французский король Людовик VII и германский император Конрад III. В этом походе участвовало много крестьян, особенно из районов, где в то время свирепствовал голод. Все эти крестьяне, безжалостно оставленные феодалами при трудном переходе через Малую Азию, погибли от голода, жажды, болезней и сельджукского оружия далеко от границ Иерусалимского королевства. Войско французского короля тоже очень сильно пострадало от лишений и боев с малоазиатскими тюрками. Остатки этого войска соединились в Палестине с отрядами германского императора, которые прибыли морем. Вновь прибывшие решили предпринять поход на Дамаск, хотя против этого решительно возражали многие франкские бароны (старожилы Иерусалимского королевства). Предпочитая сохранять мирные отношения с дамасскими эмирами, эти бароны, по некоторым сведениям, вступили в переговоры с ними, чтобы совместно действовать против новоявленных крестоносцев. Последние все-таки вступили в Гуту, большой оазис под Дамаском, и расположились на отдых в тамошних густых садах. Предпринятая затем кратковременная осада Дамаска закончилась полной неудачей. Чувствуя неприязненное отношение к себе со стороны франкских феодалов, для которых в то время был выгоден мир с мусульманскими эмирами, оба венценосных крестоносца незамедлительно отплыли обратно в Европу.

После потери Эдессы и полного провала второго крестового похода преимущество в борьбе явно оказалось на стороне мусульман, которые могли располагать гораздо большими силами и средствами. Попытка иерусалимского короля получить помощь от византийского императора успеха не имела. Крупную неудачу на севере иерусалимский король и его бароны попытались уравновесить путем наступления на Египет. В 1153 году франки взяли Аскalon (в южной Палестине), но вторгнуться в долину Нила оказались не в состоянии.

Нехватка вооруженных сил и несовершенство организации Иерусалимского королевства, в котором преобладали центробежные тенденции, становились все более опасными для господства франков на Востоке по мере объединения сил во вражеском (мусульманском) лагере. Первым серьезным противником франков выступил Зенги, атабек Мосула, – сын тюрка-раба, принадлежавшего сельджукскому султану Мелик-шаху, Зенги, опираясь [15] на силы Мосула, подчинил своей власти Алеппо и Харран, а в 1144 году, как уже упоминалось, его войско взяло Эдессу. Через два года после этого крупного успеха он умер, доставив власть и владения своему сыну Нур ад-Дину. Продолжая наступательную политику своего отца, этот энергичный и предприимчивый военачальник нанес франкам несколько чувствительных ударов. Прежде всего в 1151 году он направил свое войско для ликвидации остатков Эдесского графства. Слабые франкские отряды были разбиты и вытеснены из западных районов этого графства, а последний граф эдесский Жоселен II попал в плен. Затем Нур ад-Дин сумел в 1164 году без кровопролития установить свою власть в Дамаске, эмиры которого тщетно надеялись на помощь иерусалимского короля и некоторых его вассалов. В 1164 году войско Нур ад-Дина завоевало часть территории Антиохийского княжества и захватило в плен князя антиохийского Боэмунда III и его союзника, графа триполийского Раймунда III.

В наемном войске Нур ад-Дина большую роль стали играть курды; некоторые военачальники из них достигали высокого служебного положения.

В то время, после укрепления власти Нур ад-Дина в Дамаске, молодой иерусалимский король Амари I (1162—1174) носился с неосуществимым проектом завоевания Египта. Этот проект явно отражал интересы итальянских торговых городов, купцы которых имели свои колонии в портовых городах Иерусалимского королевства. В случае захвата портов Нижнего Египта итальянские купцы стали бы монопольными поставщиками восточных товаров в Западную Европу, что сулило им небывало высокие торговые прибыли.

Тогдашний Египет казался очень легкой добычей. Развитие системы икта имело своим последствием быстрое усиление феодалов в провинциях, ослабление центральной власти и уменьшение податных поступлений в халифскую казну. В Каире участились бунты гвардейцев, вербовавшихся из наемников и рабов. Эти мятежи (столь картина описаны Усамой, наблюдавшим их в 40-х и 50-х годах XII века) приводили к смене везиров и военачальников, делали политику центрального правительства неуверенной и неустойчивой и снижали обороноспособность страны. Но вожделения темпераментного иерусалимского короля и его алчных вассалов в отношении Египта не могли быть удовлетворены вследствие недостатка сил. Грозная опасность надвигалась [16] на франков с востока, где Нур ад-Дин стремился объединить разрозненные силы мусульманских эмиров, чтобы повести наступление на Иерусалимское королевство.

Возможно, Нур ад-Дин считал нападение франков на Египет осуществимым, после того как в 1153 году они взяли Аскalon. Правда, ближние подступы к Египту защищала сильная крепость Газа. Как бы там ни было, Нур ад-Дин усиленно стремился установить свое постоянное влияние в Каире. Как полагают, он ставил перед собой двойную цель: привлечь египетские силы для борьбы с франками в Азии и предотвратить маловероятное, но все же возможное вторжение франков в Дельту.

Исполнителем своих намерений Нур ад-Дин сделал энергичного, опытного и преданного ему курдского военачальника Ширкуха. Последний несколько раз ездил в Египет с определенными военными и политическими заданиями своего сюзерена. Дважды в этих поездках Ширкух сопровождал его племянник Салах ад-Дин, приобретший впоследствии громкую известность у европейцев под именем Саладина.

В смутной обстановке военных мятежей и феодальной междоусобицы Ширкух сумел занять руководящее положение в Египте, став великим визирем. После его смерти в 1169 году Салах ад-Дин занял этот высокий пост, а через два года (в 1171 г.) положил конец династии Фатимидов, устранив от власти родственников умершего тогда халифа Адыда (наступление смерти которого он, возможно, ускорил). Приняв титул султана, Салах ад-Дин стал основателем династии Айюбидов, получившей такое название от имени его отца Айюба.

Основной заботой Салах ад-Дина и его военачальников, получивших хорошие поместья в Египте, являлось обуздание прежней фатимидской гвардии, сформированной из суданских негров. Это была своевольная, распущенная и мятежная сила, приобретшая опасную привычку вмешиваться в дела государственного управления и ставшая особенно опасной, когда ее командиры вступили в тайные сношения с иерусалимским королем Амари. Салах ад-Дин противопоставил им